

Меморандум. Фаусти, 1986, 24 авг.

ПО ЛИТЕРАТУРНЫМ АДРЕСАМ

«Русский Фауст»

ЭТО БЫЛ всесторонне одаренный человек, недаром его называли «русским Фаустом». Его интересовало все на свете — политика и общественная жизнь, философия и естественные науки, литература и музыка. Он был ученым и писателем, музыкальным критиком и основателем русской научной фантастики. В. Г. Белинский отмечал, что вместе с «талантом могущественным и энергичным» В. Ф. Одоевский совмещал в себе «чувство глубокое и сострадательное, оригинальность совершенную, знание человеческого сердца, знание общества, высокое образование и наблюдательный ум».

БОЛЬШУЮ часть своей жизни (он скончался в 1869 году в возрасте 65 лет) Владимир Федорович провел в Петербурге, куда переехал из Москвы в 1826 году. Несмотря на молодость, он уже обратил на себя внимание современников статьями в альманахе «Мнемозина», который издавал вместе с В. К. Кюхельбекером. Большое влияние на его духовное развитие оказал его двоюродный брат поэт-декабрист, активный член Северного общества Александр Одоевский. «Александр был эпохой в моей жизни», признавался В. Одоевский.

Блестяще образованный молодой человек приехал в северную столицу после восстания на Сенатской площади, — поступать на государственную службу. Хотя он был потомком Рюрика, но небольшое поместье доходов почти не приносило. Его приняли в Цензурный комитет Министерства внутренних дел. Поселился он во флигеле дома Ланской на углу Большой Миллионной улицы, в Мошковом переулке (ныне Запорожский переулок, 1/3).

Служба не приносила ему удовлетворения, хотя он исполнял обязанности так же добросовестно, как и все, что делал. Досуг посвящал науке и искусствам. Каждую субботу к нему съезжались друзья. «Здесь, — вспоминал очевидец, — сходились веселый Пушкин и отец Иакинф (Бичурин), с китайскими сузившимися глазами, ... живая миловидная графиня Ростопчина, Глинка и профессор химии Гесс, Лермонтов и неуклюжий, но многознающий археолог Сахаров. Крылов, Жуковский, Вяземский были постоянными посетителями. Здесь впервые явился на сцену большого света Гоголь».

Кабинет его был похож на жилище алхимика или на Кунсткамеру. Повсюду — старинные фоллянты, приборы, чучела, музыкальные инструменты, экзотические вещицы. Здесь собиралась «вся петербургская литература». Собрания были шумные и веселые. Друзей сердечно принимал хозяин салона — небольшого роста человек с добрыми глазами, прикрытыми старомодными очками, с тихим голосом и приветливыми манерами, с черной шапочкой на голове.

Гостей всегда было много, но особое уважение и «душевную любовь» питал Одоевский к Пушкину. И эти чувства были взаимными. Поэт приходил в Мошков переулок в любое время. Помешал статью Одоевского в своем «Современнике», а тот помогал ему в «типогра-

фических хлопотах». Поэт высоко ценил философскую прозу Владимира Федоровича, его реалистические повести и фантастические пьесы. Это Одоевский, потрясенный гибелью Пушкина, опубликовал знаменитый некролог со словами: «Солнце нашей поэзии закатилось», за что получил выговор от министра просвещения.

В 1840 году Одоевский переехал на Фонтанку, в дом Долгорукова, возле Анничкова моста (ныне дом № 35). На новой квартире продолжались литературно-музыкальные вечера. Здесь его посетил В. Г. Белинский, которому Владимир Федорович помог возглавить отдел публицистики в «Отечественных записках». «Князь Одоевский принял и облакал меня, как нельзя лучше», — вспоминал Белинский. Здесь же встречал великий критик новый 1841 год.

Сюда приехал М. Ю. Лермонтов накануне последней своей ссылки на Кавказ. Привез картину маслом «Вид Крестовой горы». Одоевский подарил ему записную книжку, которую просил вернуть, заполненную новыми стихами. Лермонтов не успел сделать этого. В ней оказалось всего 12 стихотворений и несколько прозаических отрывков.

В мемуарной литературе встречается упоминание, что в 1843 году Одоевский жил на Большой Мещанской (теперь улица Плеханова). В начале 1844 года он уже снимает квартиру в доме № 33 по Литейному проспекту, на углу Бассейной улицы, принадлежавшем тогда Шлиппенбаху (ныне дом № 36).

В 1846 году В. Ф. Одоевского назначили помощником директора Публичной библиотеки и заведующим Румянцевского Музеума. Он занял казенное помещение в здании музея на Английской набережной, 23 (набережная Красного Флота, 44). Здесь жил и работал до 1862 года, после чего вместе с музеем переехал в Москву.

Одоевский много сделал для развития литературы и музыки, науки. Особенно велика его заслуга в борьбе за признание Глинки. Это ему принадлежит пророческая оценка оперы «Жизнь за царя» («Иван Сусанин»): «С этой поры начинается новый период в истории искусства — период русской музыки».

— ТЫ НАШ, — обращался и В. Ф. Одоевскому из сибирской ссылки В. Кюхельбекер, — тебе и Грибоедов, и Пушкин, и я завещали все наше лучшее; ты перед потомством и отечеством предательство нашего времени, нашего бескорыстного стремления и художественной красоты и к истине безусловной.

Л. ТАРАСОВ

186